

С.С. Беляков

**Хорватская национальная идентичность
в интерпретации идеологов усташского
движения**

Усташское движение, основанное хорватскими радикальными националистами в межвоенный период для вооруженной борьбы против Югославии, в 1941–1945 гг. создало под фактическим протекторатом фашистской Италии и гитлеровской Германии так называемое Независимое государство Хорватия (НГХ).

Центральное место в идеологии Усташского движения занимал этнический национализм. Процесс эволюции этнонационалистической составляющей усташской идеологии шел достаточно медленно, ее основные постулаты оставались практически неизменными с 1932–1933 гг. (период складывания Усташского движения) вплоть до краха НГХ в 1945 г.

Важнейшим постулатом усташской идеологии, ее краеугольным камнем служила идея самобытности хорватского народа, его отличия от народов Югославии. Не случайно усташский Поглавник (вождь) Анте Павелич в главном усташском программном документе – «Принципах хорватского усташского движения» (далее – «Усташские принципы») поставил этот тезис на первое место:

«Хорватский народ есть самостоятельная национальная (этническая) единица... в национальном отношении он не идентичен ни одному другому народу, ни племени какого-либо другого народа»¹. Тезис о самобытности хорватского народа дополнялся утверждением о неизменности самоназвания народа «хорваты», которое хорватский народ носил с самой глубокой древности и никогда (по крайней мере, добровольно) не менял на какое-либо иное². Эта идея была направлена против концепции интегративного югославизма, она означала отказ считать хорватский народ частью южнославянской общности и, следовательно, отказ считать Югославию (государство южных славян) собственным национальным государством. Именно эта идея послужила идеологическим обоснованием необходимости создания независимого хорватского государства.

Павелич неоднократно подчеркивал, что недопустимо считать хорватов частью южнославянской или славянской общности. Еще в 1928 г. в статье «Десять черных лет» причиной несчастий хорватского народа он назвал то обстоятельство, что хорватский народ был принужден «отречься от собственного древнего имени и назваться неким новым «югославским» именем, на что не согласился бы ни один народ в мире»³. Противоречие со вторым параграфом «Усташских принципов» лишь видимое. Тезис о том, что «отречение от хорватского имени» несет угрозу самому существованию хорватского народа, лишь подкрепляет идею необходимости сохранения хорватской идентичности. Хорваты не могут отречься от нее иначе, как только под мощным воздействием извне. Называть же хорватов югославами значит – отрицать их национальную самобытность, подменять хорватскую национальную идентичность югославской.

В своем обращении к хорватскому народу (ноябрь 1940 г.) Павелич называл сохранение хорватской нации первой

задачей Усташского движения⁴. В брошюре «Хорватский вопрос» Павелич, доказывая чуждость идеи югославизма хорватскому народу, писал: «В широких слоях хорватского народа никогда не существовало общеславянского самосознания, которое могло бы серьезно противостоять хорватскому самосознанию. Эти слои никогда не ощущали никакой принадлежности к славянству, они отвергли... как нечто чуждое и опасное славянскую и югославистскую пропаганду, которую в минувшем веке вели Прага, Москва и Белград»⁵. Д. Црлен в комментарии к официальному изданию «Усташских принципов» подчеркнул, что югославизм и даже иллиризм сыграли негативную роль в истории хорватского народа. «Славянство, иллиризм, югославизм были ядами, которые... разъедали живой организм хорватского народа», — писал он⁶. Эти концепции были опасны не только тем, что отрицали национальную самобытность хорватского народа, превращая его в «ветвь» или «племя» единого южнославянского народа (что, с точки зрения хорватских националистов, было само по себе чудовищно). Югославизм, по их мнению, превратился в орудие сербской великодержавной экспансии, жертвой которой стали хорваты⁷.

Именно стремление к обоснованию национальной самобытности хорватского народа, очевидно, способствовало развитию и популяризации теории неславянского происхождения хорватов.

Выдвижение псевдоисторических теорий, призванных доказать «историческое право» нации на спорные территории, на создание собственного моноэтничного государства, является одним из наиболее распространенных методов, применяемых идеологами националистических движений. Идея готского происхождения хорватов появилась еще до Первой мировой войны в трудах австрийско-

го социолога Л. Гумпловича и получила развитие в межвоенный период в работах словенского историка Г. Руса⁸. В соответствии с ней хорваты считались не славянами, а потомками славянизированных готов, якобы осевших в VI-VII вв. в северо-западной части Балканского полуострова. Эта теория, базировавшаяся главным образом на весьма спорных толкованиях некоторых источников, не получила распространения в исторической науке. Зато она как нельзя лучше подошла хорватским националистам.

Готская теория во второй половине 1930-х гг. получила определенное распространение в среде хорватских националистов (не только усташей). Большую роль в ее популяризации сыграл издатель загребского журнала «Хрватска стража» («Hrvatska straža») Керубин Шегвич⁹. В ноябре 1940 г. трое хорватских интеллектуалов (среди них был и Степан Буч, лидер Хорватской национал-социалистической партии, после провозглашения НГХ вступивший в ряды Усташского движения) направили Адольфу Гитлеру послание, в котором пытались объяснить ему сущность хорватского вопроса. Ссылаясь на работы историка Г. Руса, они утверждали, что хорваты – потомки готов, и, следовательно, они родственны германскому народу¹⁰.

Степан Буч, ссылаясь на труды Л. Гумпловича, Г. Руса и К. Шегвича, подверг резкой критике югославскую академическую науку за поддержку идеи славянского происхождения хорватов¹¹. С его точки зрения, приписывать хорватам «рабское» славянское происхождение несправедливо, это даже оскорбительно для «истинных хорватов»¹². Хорваты – воинственный и государственный народ, в то время как славяне всегда были не воинственны и не склонны к созиданию собственной государственности. «Слабые и покорные» славяне не могли создать средневековое хорватское государство. Они могли составлять лишь часть

населения этого государства, но его создатели и властители имели совсем другое этническое происхождение – они были готами. Хорваты – их потомки¹³.

Ссылка на готское происхождение хорватов встречается в «Хорватском вопросе», где Павелич называет уже упомянутое отсутствие у хорватов общеславянского самосознания как доказательство «того, что хорваты вообще [народ] не славянского, а готского происхождения»¹⁴. При этом следует учитывать, что впервые (в 1936 г.) «Хорватский вопрос» был написан на немецком языке и адресовался германскому МИД. Павелич здесь руководствовался не только стремлением продемонстрировать самобытность хорватского народа, но и пытался доказать вождям Рейха, что хорватский народ принадлежит к «высшей расе» и не имеет ничего общего со славянскими «недочеловеками». 13 апреля 1941 г. представитель германского МИД Э. Вееземайер, принимавший активное участие в провозглашении НГХ, записал слова Павелича, только что вступившего на хорватскую землю. Павелич, если верить Вееземайеру, говорил о том, что намеревается «высвить свой народ и доказать, что хорваты не славяне... что они немцы по крови и расе»¹⁵. 6 июня 1941 г. на встрече с Гитлером Павелич повторил свой тезис о готском происхождении хорватов¹⁶.

Иную версию происхождения хорватов выдвинул один из виднейших идеологов усташства (с июня 1941 года министр иностранных дел НГХ, позднее – министр внутренних дел) Младен Лоркович в вышедшем в 1939 г. историко-демографическом исследовании «Народ и земля хорватов». С точки зрения Лорковича, прародиной хорватов является не Скандинавия, как полагали сторонники готской теории, а Кавказ. Сами же хорваты – «лезгинское племя», являющееся «ветвью кавказских иранцев»¹⁷. Эти

утверждения, помимо всего прочего, свидетельствуют о невежестве автора, зачислившего лезгин в иранскую языковую группу. Переселившись сначала на юг Восточно-Европейской равнины, а затем на Балканы, хорваты якобы господствовали над славянскими племенами и со временем приняли их язык и обычаи, но не смешались с ними¹⁸. Главным в этой «научной» теории является опять-таки стремление доказать неславянство хорватов, их отличие от славянских народов, и прежде всего от сербов.

Если до апреля 1941 г. «иранская» и «готская» теории происхождения хорватов существовали параллельно, то в НГХ явный приоритет был отдан «готской» теории. Усташские власти взялись за ее пропаганду. Эуген (Дидо) Кватерник, несколько месяцев спустя возглавивший печально известную Усташскую надзорную службу, поведал итальянскому корреспонденту, что: «имя хорват происходит от архаичного арийского выражения «Hroatang», что значит «готский ратник»¹⁹. Иво Богдан, глава Департамента пропаганды и автор официальной биографии Павелича, полагал, что сравнительно раннее появление у хорватов государственности свидетельствует об их неславянстве²⁰. В 1942 г. «Хорватский вопрос» А. Павелича был издан на хорватском языке, и простой хорватский читатель смог наконец узнать «правду» о происхождении своей нации.

Принципиальной разницы между «готской» и «кавказской» теориями не существовало: обе были призваны доказать неславянство хорватов, их чуждость Югославии, сербам и другим южнославянским народам. Наряду с этим, «готская» теория обеспечивала дополнительную идеологическую основу союза с Германией, доказывая принадлежность хорватов к «высшей расе» и обосновывая место НГХ в гитлеровском «новом порядке».

И все же именно обоснование идеи особости хорватского народа, его чуждости славянам (в первую очередь —

сербам) оставалось главным. Не случайно Павелич в интервью, данном им 15 апреля 1941 г. корреспонденту итальянского издания «Il Giornale d'Italia», подчеркнул не мнимое родство хорватов с немцами, а именно чуждость их сербам: «Мы не имеем и никогда не имели никаких связей с сербами. От сербов мы отличаемся и по религии, и по физическому облику. Серба с хорватом спутать трудно. Мы не славяне»²¹.

Значение теории неславянского происхождения хорватов для идеологов усташства было велико. Эта теория была направлена против концепции интегративного югославизма, в соответствии с которой хорваты рассматривались как часть южнославянской нации. Теория означала отказ считать хорватский народ частью южнославянской нации и, следовательно, отказ считать Югославию собственным национальным государством.

Теория неславянского происхождения хорватов указывает на существование у идеологов усташства этно-расовых воззрений на природу хорватской национальной идентичности. Действительно, известный писатель и видный идеолог усташства М. Будак в своей книге, вышедшей в 1933 г., писал о том, что хорватский народ, несмотря на самые тяжкие испытания, «сохранил расовые и кровные особенности своих праотцев»²². «Хорватство хорватского народа было в его крови, в его костях, в его мясе и в его душе, и оно было связано с землей, с гробами... дедов и прадедов»²³.

Более того, Будак считал этническое происхождение основным фактором, определяющим национальную идентичность. Он даже отрицал возможность полной ассимиляции инородца. Инородец, решивший перенять хорватскую идентичность, никогда не станет настоящим, полноценным хорватом, так как «по крови» он все равно

будет оставаться чуждым хорватскому народу. В качестве примера Будака приводил Йосипа Юрая Штроссмайера и Йосипа Франка. И тот и другой, по мнению Будака, искренне любили хорватский народ и стремились сделать для него много добра, но они не имели «хорватского национального инстинкта», и это привело к губительным последствиям. Славянизированный немец Штроссмайер пришел к утопии югославизма, а крещеный еврей Франк скомпрометировал своим оппортунизмом Чистую партию права²⁴. В дальнейшем именно «хорваты с чешскими, немецкими и словенскими фамилиями», заседавшие в саборе в 1918 г., довели до утраты атрибутов хорватской государственности и поглощения хорватских земель югославским государством²⁵.

Особенно наглядно проявился этно-расовый подход в тех статьях и речах усташских идеологов, что были обращены к боснийским мусульманам. Идеологи усташства отказались от распространенного в Хорватии и Боснии понимания религии как главного нацио-дефинирующего фактора. Миле Будака, почти дословно повторяя Анте Старчевича, писал в 1933 году: «...боснийские мусульмане – в расовом отношении наичистейшие, наименее испорченные хорваты!... Даже в соматическом отношении они сохранили все особенности своей хорватской расы, если не считать очень редких азиатских примесей»²⁶.

Уже в 1941 г. Будака подчеркивал, что можно не осознавать своей национальности, но «придет час, когда заговорит кровь. Кровь заговорит тогда, когда придется защищать дедовы могилы и детские колыбели, когда придется спасать... родной очаг»²⁷. В 1942 г. Павелич в своей программной речи в Хорватском государственном саборе заявил, что в Хорватии, мол, нет и не может быть мусульманского вопроса: «Мусульманский вопрос есть у тех

государств, что имеют колонии. Жители этих колоний по плоти и крови отличаются от народа метрополии. Кровь наших мусульман – это хорватская кровь»²⁸.

Усташская пресса неустанно пропагандировала идею «кровного» единства хорватской нации: «В жилах хорватов-мусульман течет наичистейшая хорватская кровь», – писала газета «Хрватски народ»²⁹. Несмотря на религиозные различия, хорваты-католики и хорваты-мусульмане «принадлежат к одному этническому и расовому типу»³⁰. «Хрватскому народу» вторила газета «Усташа»: «Ислам сохранил исконную хорватскую кровь. Эта кровь – причина единства национального самосознания хорватов и мусульман». Приняв ислам, хорваты сохранили свою идентичность: «Бошнякство есть не что иное, как сохраненное хорватство, которое нашло свою защиту под покровительством ислама... отгородившись от своих исламских братьев с Востока»³¹. Усташская пропаганда называла боснийских мусульман «исламскими хорватами», «хорватскими мусульманами», «хорватами исламской веры», «кровными братьями», «самой здоровой и жизнеспособной частью хорватской нации», «цветом хорватской нации»³². Сараевское отделение Государственного департамента по информации и пропаганде даже издало сборник статей под говорящим названием: «Кровь заговорила: Исследования и статьи о жизни хорватов исламской веры»³³. Целью книги называлось «ознакомление хорватов с наичистейшей частью нашего народа, с нашими мусульманами».

Не следует думать, что этно-расовые воззрения на природу национальной идентичности усташей заимствовали у нацистов, хотя определенное влияние нацизма, несомненно, имело место. На самом деле усташей лишь повторяли известные идеи А. Старчевича, который, собственно, и

назвал боснийских мусульман «наичистейшей частью хорватской нации» и заложил основы этно-расового подхода к определению сущности национальной идентичности³⁴. Вместе с тем позиция Старчевича была намного сложнее. Она отличалась от германского расизма, с его биологизаторскими представлениями о «чистоте нации», «чистоте расы», и была ближе к романтическим представлениям о нации: «Всякая нация есть смешение различных народов, различных кровей. Ни об одном хорвате нельзя сказать, что у него нет, например, римской или греческой, или какой-либо варварской крови... Народность подобна закваске... Хорватская народность, принадлежащая господствующей нации, вдохнула душу во все население нашего Отечества, хотя народности этой сейчас в чистом виде нигде уже нет... И теперь, не считая немногих недавних переселенцев, по языку и по народности в нашем Отечестве нет других народов, кроме народа хорватского», — писал А. Старчевич³⁵.

Интересно, что Д. Црлен в своем комментарии к «Уставным принципам», по сути, повторил слова А. Старчевича: «В сущности, хорваты были закваской, которая дала покоренным [хорватами] славянским народам духовное содержание, идею свободы. Хорваты не растворились в них, они, будучи высшим правящим слоем, сделали славян хорватами»³⁶. П. Бареза на страницах «Спремности» писал, что хорваты представляют собой «сплав различных расовых, кровных, языковых, культурных, религиозных и других элементов, которые под воздействием обстоятельств слились в единственно синтезированное и коллективно осознанное хорватское «я»³⁷. Еще более определенно высказывался Ю. Маканец. Он вообще отрицал как биологизаторский, так и лингвистический взгляды на природу национальной идентичности. Маканец

полагал, что нация – феномен историко-культурный, результат общности исторической судьбы: «Нация не появляется готовой... как Афина из чела Зевса. Она должна пройти тяжкий путь постепенного созревания и духовного цементирования»³⁸.

Подобная точка зрения, очевидно, не шла вразрез с расизмом Павелича, Будака и др., поскольку в противном случае эти идеи просто не появились бы в печати НГХ и, тем паче, не вошли бы (в случае Д. Црлена) в комментарий к официальному изданию «Усташских принципов». Таким образом, усташки действительно не столько заимствовали расизм у германских нацистов, сколько возвращались к идеям правашей, даже если и трактовали их на современный лад.

Разумеется, касаясь проблемы отношений усташей к мусульманам, не следует забывать, что идеология здесь тесно переплеталась с текущими политическими интересами. Привлекая на свою сторону боснийских мусульман, усташки, во-первых, выбивали почву из-под ног мусульманских автономистов, во-вторых, получали доказательство своих прав на Боснию, в-третьих, вместо возможного врага получали в лице боснийских мусульман союзника. Тем не менее сам факт того, что обоснованием этого союза служила идея об этническом хорватстве боснийских мусульман, свидетельствует о том, что идеологи усташства все же придерживались этно-расовых взглядов на природу хорватской нации, при этом, как мы отметили, в усташском «расизме» гораздо заметней влияние идеологии правашей, нежели нацизма.

Положение мусульман в НГХ было неоднозначным. С одной стороны, усташские лидеры не упускали возможности продемонстрировать свои симпатии к исламу и подчеркнуть, что религиозная принадлежность ни в коем слу-

чае не может являться помехой национальному единству хорватского народа. С. Кватерник, первый главнокомандующий вооруженными силами НГХ, сразу после провозглашения НГХ обратился к «хорватским мусульманам», призвав их «повернуть оружие против наших врагов – сербов». Ссылаясь на Старчевича, С. Кватерник объявил Боснию и Герцеговину частью Хорватии, а боснийских мусульман – частью хорватской нации³⁹. В листовке, распространявшейся от имени Павелича в хорватских землях Югославии во время Апрельской войны 1941-го г., содержалось обращение: «Хорватские воины, католики и мусульмане!»⁴⁰ Культуру мусульман Боснии и Герцеговины усташская пресса называла культурой, которая лишь по форме является мусульманской. На самом же деле – это хорватская культура⁴¹.

Осенью 1941 г. в Загребе началось строительство мечети (вызвавшее, кстати, недовольство католического клира, в частности, Загребского архиепископа Степинаца⁴²). Вот что писала газета «Хрватски народ» по этому поводу: «Поглавник, дабы показать всем, насколько мы едины, показать, что вера не может нас разделить, воздвигнет в столице – в Загребе – красивейшую в государстве мечеть с тремя минаретами, чтобы символически показать, что мусульмане Хорватии – сыны хорватского народа, а их вера, по словам Поглавника, хорватская вера»⁴³.

В то же время реальное положение мусульман в НГХ было очень далеким от идеала национального единства, провозглашавшегося усташами. Уже спустя несколько недель после создания НГХ боснийские мусульмане поставили вопрос об издании закона, определяющего статус мусульманской религии в стране. В июне 1941 г. в Сараево была создана шариатская комиссия. В июле она передала «Проект исламского закона и устава» Павеличу.

Но проект так и не стал законом. Неспособность усташского режима навести порядок в охваченной войной стране оттолкнула от него многих мусульман. Отрицательную реакцию как мусульманских политиков, так и мусульманского населения вызывала ассимиляторская установка усташей, отрицавшая этническую самобытность боснийских мусульман. Кроме того, равноправие ислама оставалось во многом на бумаге. Во влиятельных католических изданиях появлялись статьи, где НГХ называлось католическим государством, мусульман же порой называли «безбожниками» и «язычниками» (*poganima*)⁴⁴. Мусульмане были недовольны тем, что при назначении на ответственные посты в государственном и усташском аппарате великих жуп и стожеров⁴⁵, находившихся на территории Боснии и Герцеговины, усташа предпочитали боснийских хорватов, а не боснийских мусульман. Не состоялась и любезная многим мусульманам идея перенесения столицы в Баня Луку (см. ниже). Все это привело к росту сепаратистских и автономистских настроений среди мусульман⁴⁶. В ноябре 1942 г. несколько мусульманских политиков направили Гитлеру меморандум с предложением создания в Боснии и Герцеговине особого административно-политического образования, которое находилось бы под германским протекторатом. При этом мусульмане жаловались на неспособность правительства НГХ обеспечить мир и порядок в Боснии и на привилегированное положение католической церкви⁴⁷. Таким образом, националистическая доктрина усташей, провозглашавшая единство «хорватов двух вер», вошла в противоречие с реальностью.

Совершенно иным было отношение усташей к православному населению. На полиэтнических территориях Хорватии, Боснии и Герцеговины религиозная принадлежность выступала в качестве нацио-дефинирующего

фактора. Сербь были по преимуществу православными, хорваты – католиками, боснийские мусульмане исповедовали ислам. Интересно, что многие «отцы-основатели» национальных идеологий в XIX в. не признавали религию в качестве фактора, определяющего этническую или национальную принадлежность. Досифей Обрадович и Вук Караджич причисляли хорватов-католиков и мусульман к сербскому народу, Анте Старчевич говорил о «хорватах греко-восточной веры» и о «хорватах-мусульманах». Однако объективные закономерности становления наций в полиэтнических и поликонфессиональных районах Боснии и Хорватии оказались сильнее искусственных интеллектуальных конструкций.

Особенно ярко роль религии в формировании национальной идентичности была выражена у сербов: «симбиоз церкви и нации был у сербов само собой разумеющимся, и никому в голову не приходила мысль отделить их друг от друга»⁴⁸. Это обстоятельство определило отношение усташей к православию. С мая по сентябрь 1941 г. были закрыты православные школы, конфисковано церковное имущество, запрещено само словосочетание «сербская православная церковь». Вместо него было введено понятие «греко-восточная вера»⁴⁹. Православие было фактически поставлено вне закона.

Особо следует сказать о политике насильственного обращения православного населения в католицизм. В югославской, и в особенности в современной сербской историографии этой проблеме уделялось особое внимание. Массовые перекрещения считались одним из подтверждений того, что именно католическое духовенство Хорватии (с подачи Ватикана) несет ответственность за организацию геноцида сербского народа в НГХ. Более того, именно клерикализм представляется ряду историков фун-

даментом хорватского радикального национализма⁵⁰. Прежде всего, следует оговориться, что проблема взаимоотношений усташских властей и хорватского католического духовенства, и в особенности проблема причастности Ватикана к событиям, имевшим место на территории НГХ в годы Второй мировой войны, сложна и требует специального рассмотрения. Что касается целенаправленной политики по переводу сербского православного населения в католицизм, то здесь инициатором выступало не католическое духовенство, а сами усташе. Сербов в католицизм обращали не из-за заботы о спасении душ «схизматиков», и даже не от стремления увеличить католическую паству. В данном случае мы разделяем положение И. Любомировой о том, что православие в НГХ преследовалось не по религиозным, а по национальным причинам, то есть как элемент «сербизма», а не как религиозная доктрина. «Борьба против православия означала борьбу против сербов, а не против православных теологических догматов»⁵¹. Знаменитая «формула Будака», касавшаяся политики режима НГХ в отношении сербов (треть депортировать за пределы страны, треть обратить в католицизм и ассимилировать, треть уничтожить⁵²), открывает действительную цель массовых перекрещений. Несмотря на то, что в усташской идеологии национальная идентичность рассматривалась как этно-расовый феномен, в реальности продолжали действовать утвердившиеся в массовом сознании стереотипы. Сербство ассоциировалось с православием, хорватство – с католицизмом. Поэтому усташе, стремившиеся к созданию хорватского моноэтнического национального государства, избрали переkreщение православных в католицизм в качестве метода ассимиляции сербов.

Для того чтобы сохранить концепцию этно-расовой природы нации, усташские идеологи обратились к идее,

выдвинутой еще А. Старчевичем. Суть ее заключалась в том, что в эпоху турецкой оккупации в XVI-XVII вв. часть хорватов вынуждена была принять православие, которое якобы подвергалось меньшим гонениям в Османской империи, чем католицизм⁵³. Таким образом, часть сербского населения НГХ – это хорваты, принявшие православие, следовательно, их можно вернуть в лоно хорватской нации⁵⁴. Будах еще в 1933 г. писал, что «девять десятых тех жителей хорватских земель, что называют себя сербами, не имеют ни капли сербской крови»⁵⁵. Павелич разъяснял представителю Вермахта в НГХ генералу Г. фон Хорстенау, что не только мусульманское, но и большая часть сербского населения НГХ на самом деле принадлежит к хорватскому народу (это сербизированные хорваты)⁵⁶. Министр юстиции Мирко Пук, выступая в 23 февраля 1942 г. в Хорватском государственном саборе, повторил утверждение Старчевича о том, что в Средние века часть хорватского народа из-за «террора греко-восточных попов» и привилегированного, в сравнении с католиками, положения православных в Османской империи перешла в православие. Теперь же, с созданием НГХ, мол, пришло время вернуть православных к «дедовой вере»⁵⁷. О непоследовательности усташей в определении природы хорватской идентичности говорит уже сам факт насильственного обращения «сербизированных хорватов» в католицизм.

Непосредственно процедурой крещения «на местах» занимались католические священники, нередко опиравшиеся на помощь вооруженных отрядов усташей. При этом священники действовали не как миссионеры, заинтересованные в том, чтобы обратить «заблудших» в «истинную» веру, и даже не как религиозные фанатики, а именно как оголтелые хорватские шовинисты, стремящиеся уничто-

жить все нехорватское. Так, в июне 1941 г. в селе Будимцы появился священник Сидония и заявил сербским крестьянам, что он-де пришел сюда «как Бог и начальник усташей» и что всех, кто будет противиться его решению, он отправит туда, куда отправляют всех сербов, то есть в концлагерь Ясеновац... «Тот, кто собирается жить в хорватском государстве, – сказал священник, – должен быть хорватом, а для этого надо креститься»⁵⁸. Сходным образом проповедовал капеллан Диониич, заявивший сербам: «В этой стране не может жить никто, кроме хорватов, и кто не перекрестится, не может жить»⁵⁹. Священник Орлич крестил сербов с револьвером в руках⁶⁰. Священник Антун Джурич говорил сербским крестьянам, что в Хорватии сербам нет места: «Видите, как сербы [точнее, сербские трупы – прим. С.Б.] плывут по рекам в Белград, так будет с каждым, кто ощущает себя сербом»⁶¹. Таким образом, проушашски настроенные представители католического духовенства проводили в жизнь усташскую идею хорватского моноэтничного национального государства⁶².

Позиция высшего клира была противоречивой. Сама идея перекрещений прямо не осуждались, однако архиепископ Степинац и многие епископы выражали недовольство тем, что сугубо религиозное дело обращения в католицизм было фактически узурпировано светскими властями⁶³ (крестившие сербов священники подчинялись не столько епископам, сколько усташским логорникам и стожерникам). Важно было взять дело перекрещения сербов в свои руки. 17 ноября 1941 г. на состоявшейся под председательством Степинаца епископской конференции была принята резолюция, которую затем разослали по всем римско-католическим и греко-католическим приходам. В ней говорилось о том, что вопрос обращения в католицизм находится в исключительной компетенции цер-

кви, что никто, кроме церкви, не имеет права направлять «миссионеров» для обращения «греко-восточных» в католицизм, что в лоно католической церкви будут приняты лишь те, кто добровольно, без принуждения, но единственно по внутреннему убеждению принял католицизм. Также указывалось на необходимость обеспечить защиту гражданских прав «греко-восточного» населения, на недопустимость беззакония, насильственных действий против людей, исповедующих «греко-восточную» веру, на недопустимость разрушения православных храмов и часовен⁶⁴.

То обстоятельство, что отношение усташей к православной церкви определялось не столько интересами католицизма, сколько националистическими постулатами, особенно заметно проявилось в истории создания так называемой Хорватской православной церкви. Усташский террор против сербов спровоцировал массовое вооруженное сопротивление сербского населения, которое стало ресурсом для формирования четнических и партизанских отрядов. Террор завел НГХ в кровавый тупик. Сил для того, чтобы справиться с четниками и руководимыми коммунистами партизанами, не хватало. Тогда усташское руководство пошло на решительный пересмотр политики в отношении сербов. Эуген (Дидо) Кватерник в феврале 1942 г. направил Павеличу письмо, в котором отметил всю серьезность военно-политической ситуации в НГХ и указал на неизбежность катастрофы в том случае, если не удастся подавить «коммунистическое восстание»⁶⁵. В качестве средства умиротворения сербов Павелич избрал создание Хорватской православной церкви. В своей речи в Хорватском государственном саборе 28 февраля 1942 г. Павелич заявил: «В Хорватии никто ничего не имеет против православия. Каждый по-своему молится Богу... Не

наше дело вторгаться в такую сокровенную сторону жизни человека, как спасение его души». Павелич утверждал, что хорватское государство будто бы никого не заставляет переходить в католицизм. «Но, – продолжал Поглавник, – в хорватском государстве не может быть Сербской православной церкви... Потому что во всем мире православные церкви – национальные церкви. Сербская православная церковь является составной частью сербского государства. То, что может быть в Сербии, что было в несчастной Югославии, не должно быть в хорватском государстве»⁶⁶. Следовательно, православие в НГХ рассматривалось как проблема церкви, а не веры. 3 апреля 1942 г. Поглавник издал закон о создании автокефальной Хорватской православной церкви. Ее устройство должно было определяться указами Поглавника и распоряжениями министра вероисповедания и правосудия⁶⁷. Во главе новой церкви был поставлен русский митрополит Гермоген⁶⁸. Понемногу стали открываться православные храмы. Усташская пресса заговорила о возвращении православных в хорватскую нацию, о том, что они связаны «судьбой и кровью» с хорватской землей⁶⁹. Православных стали принимать на службу в государственный аппарат, мобилизовать в армию, их представителей ввели в сабор, а в октябре 1943 г. православный Сава Бесарович, университетский товарищ А. Павелича, вошел в правительство НГХ в качестве министра без портфеля⁷⁰. В закон о государственных и религиозных праздниках, наряду с тринадцатью католическими, восемью евангелистскими и четырьмя мусульманскими, вошли и восемь православных праздников (религиозные праздники отмечались в соответствии с религиозной принадлежностью)⁷¹.

В то же время вряд ли можно согласиться с Х. Матковичем, утверждавшим, что создание Хорватской православной церкви означало решительный поворот в усташ-

ской национальной политике⁷². Усташи не отказались от идеи хорватского моноэтничного государства, они лишь вернулись к идеям А. Старчевича. Православное население НГХ было причислено к хорватам, права сербского народа в стране не были признаны. М. Лоркович подчеркивал, что Хорватская православная церковь – национальная церковь, а «православные хорваты» полностью равноправны с хорватами-католиками и мусульманами. «Хорватская государственная власть не проводит различия между приверженцами различных религий», – писал он⁷³.

Практическое значение этих реформ было невелико. Они не остановили ни раскрученный маховик усташского террора, ни ответный террор сербских четников, ни коммунистическое сопротивление. Провал реформы впоследствии констатировал Эуген (Дидо) Кватерник⁷⁴. В то же время отказ считать религиозную принадлежность фактором, определяющим национальную идентичность, придал усташской идеологии большую стройность. Хотя еще до войны М. Лоркович заявлял о том, что вероисповедание не может определять национальную принадлежность⁷⁵. Программную речь Павелича в Хорватском государственном саборе 28 февраля 1942 г., очевидно, можно считать окончательным отказом от отождествления конфессиональной принадлежности с национальной: «Значительная часть нашего населения, – говорил Павелич, – исповедует католическую веру. Есть мусульмане, есть евангелисты. Есть и православные. Государственный интерес состоит в том, чтобы в государстве не было никаких раздоров, прежде всего – религиозных раздоров». Павелич отмечал, что люди различаются по национальностям, а не по религиям, характерное же для балканских народов различие по религиозной принадлежности для хорватов не-

характерно: «Сейчас мы все едины в одном государстве, так как у нас есть национальное самосознание... и мы не можем и не должны допустить того, чтобы другие факторы, в том числе религиозные, вносили раздор в нашу общность»⁷⁶.

Помимо «хорватского духа» и «общности крови», важным фактором, определяющим национальную принадлежность, идеологи усташства считали язык.

Вопрос о единстве или различии сербского и хорватского языков долгое время оставался (и остается) дискуссионным. Соглашение сербских и хорватских ученых о единстве сербского и хорватского литературного языка, достигнутое в 1850 г. в Вене, было принято не всеми хорватскими интеллектуалами, равно как и реформа 1892 г., когда утвердившееся в сербском литературном языке под влиянием Вука Караджича фонетическое правописание было распространено на хорватские школы. В югославском государстве была предпринята попытка стандартизации языковых норм, однако время для реформы было выбрано неудачно. После убийства лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича и вызванной им резкой радикализации хорватского национализма реформа, имевшая своей целью укрепление языкового единства сербов и хорватов, была воспринята хорватскими националистами в штыки⁷⁷.

Во второй половине 1930-х гг. ряд хорватских филологов повел контрнаступление против «сербизации» хорватского языка. В 1937 г. создается общество «Хорватский язык» («Hrvatski jezik»), которое с 1938 г. начинает выпускать собственный журнал. Целью движения было возвращение к «истокам» хорватского языка, очищение его от сербизмов. М. Лоркович писал в 1939 г. о том, что хорватскую нацию составляют люди, говорящие на хорватском

литературном языке⁷⁸. В 1940 г. филологи П. Губерина и К. Крштич выпустили в издательстве «Матицы Хрватской» книгу под названием «Различия между хорватским и сербским литературными языками». В книгу даже был включен «словарь различий между хорватским и сербским литературными языками»⁷⁹.

О том, насколько важным усташа считали языковой вопрос, говорит тот факт, что уже 28 апреля 1941 г., то есть спустя немногим более двух недель после провозглашения НГХ, был издан указ об основании Хорватского государственного комитета по языку (в системе Министерства по делам просвещения и религии)⁸⁰, которому предстояло заняться разработкой языковой реформы⁸¹. Тремя днями ранее было запрещено использование кириллицы (в том числе в частной переписке)⁸².

14 августа 1941 г. Павелич подписал «Закон о хорватском языке, его чистоте и правописании», где указывалось, что хорватский язык – «исконный и самобытный язык хорватского народа, он не идентичен какому-либо другому языку, не является диалектом какого-либо другого языка, и не существует другого народа, который говорил бы на хорватском языке»⁸³. Таким образом, еще раз подчеркивались самобытность хорватского народа, его отличие от сербов и других народов Югославии. Кроме того, закон объявлял хорватский язык «общественным достоянием хорватского народа» и категорически запрещал использование «слов, которые не отвечают духу хорватского языка, использование чужих и заимствованных из сходного (то есть из сербского – прим. С.Б.) языка слов». Закон запрещал давать не хорватские названия торговым фирмам, предприятиям, обществам и другим учреждениям⁸⁴. В основе хорватского языка оставался штокавский диалект, однако теперь он считался исключительно хорватским.

Сербы, мол, лишь заимствовали его. Более того, «до Вука Караджича сербы, если не считать опытов Досифея Обрадовича, не имели ни одной книги на своем народном языке, – писал известный филолог Блаж Юришич, бывший глава общества «Хорватский язык» и один из разработчиков языковой реформы, – славяно-сербская и русско-славянская литература на самом деле отнюдь не сербская народная литература». В то же время хорваты имели древнюю и богатую литературу именно на штокавщине⁸⁵. Языковая реформа заключалась, главным образом, в замене «сербского фонетического» правописания «хорватским морфологическим» и в чистке хорватской лексики от «сербизмов» (вместо «film» стали говорить «slikopis», вместо «revolver» – «samokres», вместо «oficir» – «časnik» и т. д.).

Нам, впрочем, интересна не филологическая сторона реформы, а националистическая риторика, которую использовали реформаторы. Павелич, выступая в Хорватском государственном саборе, сказал, что за всю свою историю хорватский язык не претерпел столько испытаний, сколько за двадцать три года пребывания Хорватии в рамках югославского государства: «Поверьте мне, для тех из нас, кто более десяти лет провел за рубежом... страшнее всего было услышать, как в Хорватии, в Загребе пишут и говорят. Самые грубые, самые безобразные, самые отвратительные балканские слова стали... составной частью хорватского языка». Теперь, в независимом хорватском государстве, хорваты должны вернуть своему языку его прежнюю чистоту⁸⁶. Позднее, в мае 1943 г., выступая перед хорватскими учителями, Павелич сказал: «По языку узнается человек, по языку мы узнаем представителей [того или иного] народа. Народ, который позволяет коверкать свой внешний облик, сам себе копает могилу... Те-

перь, в новом хорватском государстве... долг каждого хорвата, а в особенности хорватского учителя, сделать хорватский язык тем, чем он некогда был, то есть хорватским. Искореним чужие выражения, которые вредят уху и сердцу хорвата»⁸⁷. Кампания по очищению хорватского языка от разнообразных «варваризмов», и прежде всего от «сербизмов», широко освещалась прессой, публиковавшей статьи Блажа Юришича, Петара Губерины, Даниэла Црлена и других⁸⁸.

Таким образом, борьба за «чистоту» хорватского языка была в глазах усташей необходимым условием сохранения хорватской национальной идентичности. «Загрязнение», «порча» хорватского языка варваризмами и, тем паче, попытки идентифицировать его с сербским языком воспринимались как покушения на само существование хорватского народа. «Систематическая порча хорватского языка имела политическое и государственно-правовое значение», – говорилось в брошюре, изданной в Загребе уже незадолго до падения усташского режима⁸⁹. В качестве примера приводилась предпринятая после введения в 1929 г. королем Александром диктатуры попытка унификации сербохорватского языка. Попытка уничтожить «самобытность» хорватского языка воспринималась как ассимиляционная, сербизаторская мера, осуществление которой несло угрозу самому существованию хорватской идентичности. При этом значение имело не то, насколько существенны были объективные языковые различия. Важно другое. Хорватские националисты (не только усташаи, П. Губерина, К. Крштич, Б. Юришич до создания НГХ не принадлежали к числу присягнувших усташей) считали хорватов особым народом, отличным от сербов, и искали все возможные доказательства национальной самобытности хорватов. Мнимые и реальные лингвистические раз-

личия стали одним из таких доказательств. Языковая общность, наряду с этно-расовой, была в глазах усташей одним из факторов, определяющих национальную идентичность хорватского народа.

Таким образом, воззрения усташей на природу хорватской идентичности отличались эклектизмом и определенной противоречивостью. На них повлияли идеи, унаследованные от правашей и перетолкованные для новых условий (своеобразный «расизм», отличный, однако, от германского расизма и представления о единстве многоконфессиональной нации), стереотипы массового сознания, сложившиеся в период формирования наций в условиях полиэтничной среды (религия – как нацио-дефинирующий фактор, перекрещение – как способ ассимиляции), текущие политические интересы, заставившие, например, причислить не только мусульман, но и православных сербов к хорватской нации. Под воздействием текущих политических интересов и исходя из необходимости хоть как-то структурировать, приводить в порядок собственную концепцию хорватской национальной идентичности, усташа, как правило, жертвовали представлениями о религии как нациодефинирующем факторе в пользу этно-расовых представлений. Особенно ярко это проявилось в связи с политикой в отношении мусульманского и православного населения НГХ. Неизменными оставались, однако, представления о самобытности хорватского народа, его отличии от народов Югославии, и прежде всего от сербов.

¹ Ustaša. 1941. Br. 1. S. 3.

² Ibid. S. 3.

³ *Pavelić A.* Deset crnih godina // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. Zagreb, 1995. S. 15-16.

⁴ Poglavnikova poruka u Domovinu: Iz emigracije u studenom 1940 /

/ Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 119.

⁵ *Pavelić A.* Hrvatsko pitanje // Doktor Pavelić riješio Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1942. S. 16.

⁶ Načela Hrvatskog Ustaškog Pokreta / Pripremio D. Crljen // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 59.

⁷ См. Ibid. S. 59.

⁸ *Rus G.* Kralji dinastije Svevladicev. Ljubljana, 1931; *Rus G.* Kerst Hrvatov in Serbov. Ljubljana, 1932.

⁹ *Krizman B.* NDH između Hitlera i Mussolinija. Zagreb, 1986. S. 107.

¹⁰ Цит по: *Цапуић П.* Нова усташка држава. Београд, 1991. С. 26-27.

¹¹ *Buč S.* Naši službeni povjesničari i pitanje podrijetla Hrvata: Jedno predavanje iz god. 1940. Zagreb, 1941. S. 3-24.

¹² Ibid. S. 5.

¹³ Ibid. S. 4-12.

¹⁴ *Pavelić A.* Hrvatsko pitanje // Doktor Pavelić riješio Hrvatsko pitanje. S. 16.

¹⁵ *Трифковић С.* Усташе. Балканско срце таме на европској политичкој сцени // The Lord Byron Foundation for Balkan Studies. 1998. С. 129.

¹⁶ Hrvatski narod. 22. 06. 1941.

¹⁷ *Lorković M.* Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, 1939. S.6.

¹⁸ Ibid. S. 5-6.

¹⁹ *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. Zagreb, 1977. S.139.

²⁰ Ibid. S.138.

²¹ Цит. по: *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 139; *Ademović F.* Novinstvo i ustaška propaganda u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj: Štampa i radio u Bosni i Hercegovini. (1941-1945). Sarajevo, 2000. S. 281.

²² *Budak M.* Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. [б. м.] 1933. S. 185.

²³ Ibid. S. 13.

²⁴ Ibid. S. 14-17, 66-69.

²⁵ Ibid. S. 94.

²⁶ Ibid. S. 35.

²⁷ Цит. по: *Ademović F.* Op. cit. S. 303.

²⁸ Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 240-241.

²⁹ Hrvatski narod. 17. 06. 1941.

- ³⁰ Hrvatski narod. 09. 08. 1941.
- ³¹ Ustaša. 1941. № 19. S. 1.
- ³² Lorković M. Narod i zemlja Hrvata. S. 289; Bogdan I. Poglavnik – obnovitelj Hrvatskoj Državnosti i Nezavisnosti // Doktor Pavelić riješio Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1942. S. 4-5; Hrvatski narod. 17. 05. 1941.
- ³³ «Krv je progovorila»: Razprave i članci o životu hrvata islamske vjere. Sarajevo, 1943.
- ³⁴ Starčević A. Izabrani spisi. Zagreb, 1945. S. 414, 429, 430.
- ³⁵ Цит. по: Horvat J. Ante Starčević: kulturna-povjesna slika. Zagreb, 1940. S. 299-300, см. также. Starčević A. Izabrani spisi. S. 413-414. При этом другой «отец-основатель» идеологии хорватского национализма, Эуген Кватерник, занимал позицию, гораздо более близкую к «биологическому» расизму. См. Gross M. Izvorno pravaštvo: ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000. S. 268.
- ³⁶ Načela Hrvatskog Ustaškog Pokreta / Pripremio D. Crljen // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 66.
- ³⁷ Bareza P. Transcendentalna politika // Spremnost. 1944. № 149-150. S. 5-6.
- ³⁸ Makanec J. Hrvatski vidici: nacionalno-politički eseji. Zagreb, 1944. S. 90. См. также: S. 87-91.
- ³⁹ Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 135.
- ⁴⁰ Ibid. S. 129.
- ⁴¹ Hrvatski narod. 29. 12. 1941; Hrvatski narod. 22. 04. 1942.
- ⁴² Любомирова И. Национализъм и национална политика в Независимата Хърватска Държава в Независимата Хърватска Държава (1941-1945). София, 2001. С. 281.
- ⁴³ Hrvatski narod. 22. 10. 1941.
- ⁴⁴ См. Любомирова И. Указ. соч. С. 262-302; Adetović F. Op. cit. S. 306.
- ⁴⁵ Великие жупы – административные единицы, на которые было разделено НГХ. Стожеры – крупнейшие территориальные подразделения Усташского движения. В каждой великой жупе НГХ был организован усташский стожер.
- ⁴⁶ Любомирова И. Указ. соч. С. 294-297.
- ⁴⁷ Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske: Kratak pregled. Zagreb, 1994. S. 184-187.
- ⁴⁸ Вяземская Е. К. Край трех религий – Босния и Герцеговина // История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004. С. 400.
- ⁴⁹ Ministarska naredba o nazivu “grčko-istočne vjere” // Ustaški zakoni

/ Prired. G. Babić. Beograd, 2000. S. 118; *Živojinović D., Lučić V.* Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen. Beograd, 1988. S. 551.

⁵⁰ См. *Novak V.* Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948; *Симић С.* Ватикан против Југославије. Титоград, 1958; *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство: Од илирске идеје до великохрватске реализације. 1453-1941. Београд, 1997; *Джуретич В.* Развал Југославији. Основне течения 1918-2003. М., 2003; *Екмечић М.* Црква и нација код Хрвата // Зборник о србима у Хрватској / Уредник В. Крстић. Београд, 1999. Књ. 4. С. 7-36. Этој же точки зрения придерживались некоторые западные авторы. См.: *Manhattan A.* Terror over Yugoslavia; *Paris E.* Genocide in Satellite Croatia, 1941 – 1945. Chicago, 1961; *Cornwell J.* Hitler's Pope. The Secrete History of Pius XII. London, 1999.

⁵¹ *Любомирова И.* Указ. соч. С. 172-173.

⁵² *Novak V.* Magnum Crimen. S. 605.

⁵³ *Staruević A.* Izabrani spisi. S. 414-415.

⁵⁴ См. Dokumenti o protunarodnom radu i zločinima jednog djela katoličkog klera. Zagreb, 1946. S. 65, 93-94; *Novak V.* Magnum Crimen. S. 798.

⁵⁵ *Budak M.* Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. S. 175-176.

⁵⁶ *Kazimirović V.* NDH u svetlu nemackih dokumenata i dnevnika Gleza fon Horstenau. 1941-1945. Zagreb, 1987. S. 106.

⁵⁷ *Ademović F.* Op. cit. S. 296.

⁵⁸ *Stanojević B.* Alojzije Stepinac: Zločinac ili svetac. (Dokumenti o izdaji i zločinu). Beograd, 1986. S.176, 177, 188.

⁵⁹ Ibid. S.172.

⁶⁰ Dokumenti o protunarodnom radu i zločinima jednog djela katoličkog klera. S. 79, 80.

⁶¹ Ibid. S.131.

⁶² Подробнее об участии католических священнослужителей в кампании по обращению сербов в католицизм см.: *Novak V.* Magnum Crimen. S. 637-660, 662-664, 667-671, 673-700, 709-784.

⁶³ *Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske. S. 112.

⁶⁴ *Novak V.* Magnum Crimen. S. 628-630.

⁶⁵ *Kvaternik E.* Riječi i činjenice. Prilog povijesti hrvatsko-talijanskih odnosa u Drugom svjetskom ratu // Hrvatska revija. 1955. Sv. 1. S. 69-70.

⁶⁶ Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 241-242.

⁶⁷ Zakonska odredba o Hrvatskoj pravoslavnoj crkvi // Ustaški zakoni. S. 259.

⁶⁸ Гермоген – в миру Григорий Иванович Максимов. Бывший митрополит Екатеринославский и Новомосковский. После революции эмигрировал. Жил в Греции, с 1921 г. – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В июне 1942 г. стал митрополитом Загреба и главой Хорватской православной церкви. Его возведение в сан патриарха так и не состоялось. В июне 1945 г., уже в титовской Югославии, военный суд приговорил его к смертной казни.

⁶⁹ Nezavisna Država Hrvatska. 05. 03. 1942.

⁷⁰ Любомирова И. Указ. соч. С. 249.

⁷¹ Zakonska odredba o blagdanima // Ustaški zakoni. S. 282-284.

⁷² Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske. S. 118.

⁷³ Lorković M. Hrvatska u borbi protiv boljševizma. Zagreb, 1944. S. 57.

⁷⁴ Kvaternik E. Riječi i činjenice. Prilog povijesti hrvatsko-talijanskih odnosa u Drugom svjetskom ratu // Hrvatska revija. 1955. Sv. 1. S. 69-70.

⁷⁵ Lorković M. Narod i zemlja Hrvata. S. 69-71.

⁷⁶ Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru. Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 240.

⁷⁷ Samardžija M. Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 1993. S. 8.

⁷⁸ Lorković M. Narod i zemlja Hrvata. S. 69-71.

⁷⁹ Guberina P., Kršić K. Razlike između hrvatskog i srpskog književnog jeziku. Zagreb, 1940.

⁸⁰ Zakonska odredba o osnivanju Hrvatskog državnog ureda za jezik / Ustaški zakoni. S. 29.

⁸¹ О его деятельности см.: Jezicni purizam u NDH: Savjeti Hrvatskog državnog ureda za jezik / Priredio M. Samardžija. Zagreb, 1993.

⁸² Zakonska odredba o zabrani žirilice // Ustaški zakoni. S. 15.

⁸³ Zakonska odredba o Hrvatskom jeziku, o njegovoj istožbi i o pravopisu // Ustaški zakoni. S. 128-129.

⁸⁴ Ibid. S. 128.

⁸⁵ Hrvatski narod. 10. 04. 1944.

⁸⁶ Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 242-243.

⁸⁷ Цит. по: Samardžija M. Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 1993. S. 57

⁸⁸ См. Cipra F. Barbarizmi u hrvatskom jeziku nekad i danas // Samardžija M. Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. S. 152-158;

Cipra F. Različit odnošaj hrvatskog i srpskog jezika prema tupicama // Ibid. S. 144-146; *Crljen D.* Hrvatske narodne riječi – mjesto tupica // Ibid. S. 140-143; *Guberina P.* Razlike između hrvatskih i srpskih jezičnih oblika // Ibid. S. 108-111; *Guberina P.* Stilske i stilističke razlike između hrvatskoga i srpskog književnog jezika // Ibid. S. 112-116; *Јуриџић В.* Književni jezik kod hrvata i kod srba // Ibid. S. 226-230; *Јуриџић В.* Vuk i janje // Ibid. S. 231-234; *Крљић К.* Истожа и препород jezika // Ibid. S. 117-119; *Крљић К.* Pitanje srbizama // Ibid. S. 172-178.

89 Za pravilnost i nistozu hrvatskog jezika. Zagreb, 1945 // Samardžija M. Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. S. 76-77.